Тихомиров.

Знаменіе времени.

R 330/407

III 2/5-45
R 330/407

Л. Тихомировъ.

ЗНАМЕНІЕ ВРЕМЕНИ.

НОСИТЕЛЬ ИДЕАЛА.

БРАТСТВА СВЯТАГО ПЕТРА МИТРОПОЛИТА БИБЛІОТЕКА

(Изъ сборника *Московскихъ Вѣдомостей* «Памяти Императора Александра III».)

МОСКВА.

1895.

12946/28

R 330/407

Л. Тихомировъ.

ЗНАМЕНІЕ ВРЕМЕНИ.

НОСИТЕЛЬ ИДЕАЛА.

БРАТСТВА СВЯТАГО ПЕТРА МИТРОПОЛИТА БИБЛІОТЕКА

(Изъ сборника *Московскихъ Вѣдомостей* «Памяти Императора Александра III».)

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 9 декабря 1894 года.

Российская
Библиотека
имени
В. И. Ленина
ор-40014-37

2007098117

I.

Знаменіе времени*).

БРАТСКАЯ СЕЛЬ... БИБЛІОТЕКА ПЕТРА МИТРОПОЛИТ...

Глубокій кризисъ, который сто лѣтъ тому назадъ переживала Европа, нагляднѣе всего сказался въ крушеніи монархіи. Европа выросла на монархическомъ принципѣ. Имена ея великихъ королей и императоровъ неразрывно связаны со всѣми центрами ея культуры, со всѣми усовершенствованіями общественной жизни, со всѣми даже отклоненіями народовъ съ пути правильнаго развитія, со всею жизнью ихъ, въ счастьѣ и горѣ.

Отреченіе отъ монархическаго принципа было отреченіемъ отъ исторіи. Произошло ли оно безъ вины представителей покидаемаго принципа? Этого никогда не бываетъ. Но какъ бы то ни было, отреченіе проявилось въ такихъ рѣзкихъ формахъ, такъ рѣшительно, казалось, какъ этого еще и не бывало въ исторіи борьбы смѣняющихся основныхъ формъ власти. Демократія, со знаменемъ *народа*, который былъ сплоченъ только королевскою властью, начала новую эру убійствомъ мученика, не имѣвшаго иной вины, кромѣ своего священнаго сана и столѣтій связывавшихъ судьбы рода его съ судьбами націи. Демократическій фанатизмъ гласно заявилъ на цареубійственномъ «судѣ» что для приговора по такому обвиненію не нужно ничего, кромѣ «констатированія личности».

Далѣе некуда идти въ разрывѣ. Это не разрывъ, не отреченіе, это заявленіе несовмѣстимости существованій. И народы, казалось, приняли приговоръ, произнесенный передовою интеллигенціей надъ освященнымъ вѣками принципомъ.

Съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ новая эра тошила послѣдніе слѣды ниспроверженнаго величія въ рѣкахъ народной крови и наложила печать свою на цѣлое столѣтіе.

---

*) Обѣ статьи составляютъ отдѣльный оттискъ изъ сборника *Моск. Вѣд.* „Памяти Императора Александра III,“ Москва, 1894 г. изд. С. Петровскаго.

И вотъ, наконецъ, міръ преобразованъ на новыхъ началахъ. По всѣмъ странамъ Европы монархическій принципъ или вырванъ съ корнемъ, или доведенъ до состоянія блѣдной, безсильной тѣни. Вездѣ народная воля составляетъ верховный законъ, вездѣ судьбами народовъ руководятъ выборные представители націи, вездѣ государственные люди создаются тѣмъ путемъ, который по теоріи долженъ отдать судьбы націй въ руки «цвѣта населенія».

Все это сдѣлано уже, упрочено, вошло въ привычную колею, когда традиція охраняетъ даже и плохой порядокъ. Лишь далеко, на границахъ Азіи, удержался «полуварварскій» народъ, не примкнувшій безъ оглядки къ теченію вѣка и сохранившій вѣрность своимъ извѣчнымъ самодержавнымъ государямъ. Снисходительно относясь къ его «отсталости», просвѣщенная Европа, конечно, не допускала и мысли о томъ, чтобъ ея «усовершенствованный» строй охранялъ свободу и безопасность народовъ менѣе прочно, чѣмъ эти «остатки», какъ казалось ей, «средневѣковаго абсолютизма».

Но вотъ происходитъ нѣчто неожиданное, чего нельзя было и представить себѣ всего лѣтъ 20 тому назадъ. Европа охвачена страхомъ за будущее, она молится въ своихъ храмахъ, она единодушно обращаетъ свои взгляды на Востокъ... Что̀ же случилось? Не идутъ ли съ варварскаго Востока орды дикихъ казаковъ, грозящихъ нарушить мирное существованіе просвѣщенныхъ странъ?

Нѣтъ. Не до набѣговъ на цвѣтущія поля Европы этому Востоку, который погруженъ въ свое тяжкое горе. Съ быстротой, невѣдомою прошлому, наши телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги, отряды репортеровъ и милліоны газетныхъ листковъ— нарисовали предъ глазами народовъ картину, наполнившую сердца страхомъ и сожалѣніемъ.

Тамъ, на крайнемъ Югѣ далекой Россіи, подъ голубымъ небомъ Ливадіи, облитой золотыми лучами нехладѣющаго солнца, на берегу задумчиво плещущаго моря, то страшнаго въ своей грозѣ, какъ справедливый гнѣвъ Царя, то чарующаго кротостью, какъ Царская милость,—въ этомъ цвѣтущемъ уголкѣ, достойномъ царственнаго отдыха, европейскій міръ увидѣлъ Державнаго Страдальца, борющагося съ мучительнымъ недугомъ. Задумчивы лица свѣтилъ медицинской науки, окружающихъ Царственный одръ; кругомъ слышатся уже сдержанныя рыданія. Могучи силы, которымъ ввѣрена была тяжесть Самодержавнаго бремени, но страшна и безжалостна болѣзнь. И вотъ невольный трепетъ охватилъ сердца народовъ.

Они боятся не Царя, вставшаго во всей силѣ и крѣпости, посреди восторженныхъ кликовъ стомилліоннаго вѣрнаго народа. Они приходятъ въ страхъ при мысли: что̀ станется съ ними *безъ Царя*?

Глубокій смыслъ представляетъ взрывъ симпатій и страха, неудержимо охватившихъ Европу въ эту роковую минуту.

Безъ сомнѣнія, чистая и высокая личность недугующаго Самодержца не могла не вызывать симпатій. Но откуда страхъ за будущее? Что̀ же дѣлаютъ, однако, «усовершенствованныя» формы правленія, народные представители, «отвѣтственные» министры и весь прочій аппаратъ политическаго прогресса? Или все это не успокаиваетъ народы, не вселяетъ въ нихъ увѣренности въ спокойное будущее? Народы хотятъ мира. Но вѣдь у нихъ, какъ слышно, всѣмъ правитъ «народная воля». Если они хотятъ мира, то кто же броситъ ихъ въ раздоры войны?

На эти вопросы еще немногіе отвѣтятъ сознательно.

Но всенародное чувство Европы, въ которомъ такъ слились страхъ за будущее, очевидная любовь и трогательное довѣріе къ Самодержавному Хранителю мира, само составляетъ отвѣтъ, въ смыслѣ котораго нѣтъ сомнѣній. Глазомѣръ народовъ, очевидно, уже начинаетъ различать обманъ теоріи, которая подъ фальшивымъ видомъ господства «народной воли» осуждаетъ желанія народовъ на самую жалкую роль въ ихъ политической жизни. Народы начинаютъ чувствовать, что ихъ провели такъ же, какъ монарховъ. Теорія, которая создала королей «царствующихъ», но не управляющихъ, поработила и націи, давъ имъ такую же фиктивную, на словахъ царствующую, на дѣлѣ попираемую «народную волю». Много разочарованій вынесли европейскіе народы за столѣтній опытъ конституцій и республикъ и уже смутно чувствуютъ, что во всей этой траги-комедіи всемірной исторіи выиграла только политиканствующая интеллигенція, разъединившая вѣковѣчныя связи монарховъ и народовъ. Этотъ опытъ такъ поучителенъ что, казалось, ужь не разъ, еслибы только народы Европы увидали передъ собою *настоящаго* монарха, который умѣлъ бы имъ напомнить величіе монархическаго идеала,—они бы давно, можетъ-быть, бросили подъ ноги его всѣхъ своихъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ. Но десятилѣтія шли за десятилѣтіями, и не являлся для воскресенія народнаго чувства ни Карлъ Великій, ни Фридрихъ Барбаросса. И откуда было имъ явиться? Силенъ духъ времени, глубоко проникла власть новыхъ повелителей «свободныхъ» народовъ. Они и правятъ, и дѣлаютъ общественное мнѣніе, и исторію пишутъ и заставляютъ дѣтей народа заучивать въ школахъ всѣ свои выдумки и клеветы на павшій строй. Они

своимъ нравственнымъ давленіемъ подрываютъ вѣру въ монархію даже въ дѣтяхъ королевскихъ родовъ, въ зародышѣ подрывая всякую возможность ниспроверженія своего господства. Они манятъ народы обманчивыми перспективами, увлекаютъ ихъ все далѣе къ такимъ опытамъ, въ которыхъ ставится на карту вся достигнутая культура, лишь бы только народы не вспомнили того прошлаго, когда природные монархи твердо руководили ихъ судьбами.

Такъ шли десятилѣтія, прошло столѣтіе.

И вотъ, на холодномъ сѣверѣ, въ годину ужаса и скорби, впервые явился предъ Европой Тотъ, Кого провожаютъ нынѣ въ могилу эти слезы, эти всемірныя благословенія. Нечего напоминать, знаемъ мы, знаетъ и Европа, *какъ* встрѣтили Его тогда всѣ, кому страшно воскресеніе монархическаго принципа. Всѣ помнятъ, какъ старались эти паразиты политической смуты оклеветать и обезсилить Его. Не было еще монарха, противъ котораго враги пустили бы сразу столько низкихъ средствъ оклеветанія. Они какъ будто чувствовали, *Кто* является въ міръ. Но онъ пошелъ своимъ путемъ, какъ настоящій Самодержецъ, съ неколебимою вѣрой въ свой священный принципъ, съ безусловною покорностью волѣ Божіей, съ сознаніемъ, что Божіею милостью, а не человѣческою волей Онъ царствуетъ, и что власть Его, Богомъ данная, Богу только принадлежитъ и никѣмъ не можетъ быть ни связана, ни ограничена.

И вотъ міръ, уже было позабывшій величайшія страницы своей исторіи, съ изумленіемъ увидѣлъ, что̀ можетъ сдѣлать Самодержецъ, какъ исчезаютъ предъ лицомъ его всѣ призраки, сглаживаются всѣ препятствія, умиротворяются всякая смута и раздоръ. Міръ увидалъ, какъ легко и свободно живется народу за крѣпкою рукой Царя, вѣрующаго въ свое Божественное избраніе. Въ немного лѣтъ это почувствовалось даже далеко за предѣлами Его непосредственной власти. И что̀ же? Безсознательно для чужихъ народовъ въ душѣ ихъ заговорило старое сознаніе единства народа и Монарха, вспомнилось то монархическое чувство, съ которымъ Европа создала «святыя чудеса» своей былой исторіи! Европа, казалось, отрекшаяся отъ монархическаго принципа, должна была только увидѣть *настоящаго* Самодержца, даже чужаго, чтобы почувствовать довѣріе не къ своимъ «отвѣтственнымъ» министрамъ, не къ своимъ «представителямъ», не къ своей «народной волѣ», а къ волѣ Его, никѣмъ, кромѣ Бога, не избраннаго, ни предъ кѣмъ, кромѣ Бога, не отвѣтственнаго.

Немного лѣтъ прошло. Можно ли считать десятокъ лѣтъ свободной царственной работы? Можно ли считать 5—6 лѣтъ,

данныхъ Европѣ, чтобы понять, наконецъ, *Кто* пришелъ въ міръ? Этихъ немногихъ лѣтъ было достаточно, чтобы всѣ народы привыкли уже возлагать свои надежды на Него. Царь все уладитъ. Царь не допуститъ до бѣды. Вотъ настроеніе, въ которомъ Европа чуть ли не первый разъ за 100 лѣтъ ощутила себя спокойною, выше страха угрожающихъ ей бѣдствій и смутъ. Взвѣшивая все, доносившееся изъ Европы при вѣсти о тяжкой болѣзни Хранителя мира, узнаешь тотъ старый крикъ горести, который когда-то вырывался изъ сердца послѣ Карла Великаго. «Кто же будетъ теперь управлять міромъ?» спрашивали себя тогда въ горестномъ недоумѣніи. Это чувство сопровождало собою все великое въ европейской исторіи. «Кто же будетъ управлять міромъ?» спрашивалъ себя померанскій крестьянинъ при вѣсти о кончинѣ Фридриха Великаго. Тогда уже наступали времена отреченія, и вопросъ крестьянина казался «наивнымъ». Теперь въ томъ же вопросѣ слились чувства современной Европы, уже не наивной, а пережившей столѣтіе конституцій и республикъ. Кто будетъ управлять міромъ, кто дастъ ему устойчивость, сдержитъ борьбу честолюбій, охранитъ народы отъ опасныхъ увлеченій? Такъ спрашиваютъ себя въ Европѣ и спѣшатъ тревожно въ свои забытые храмы, вновь заучивая полузабытыя молитвы Тому, въ чьихъ рукахъ судьбы земныхъ царей.

Отъ вѣковыхъ ошибокъ разсудокъ не отказывается сразу. Но то, что̀ перечувствовано Европой при вѣсти о болѣзни единственнаго Самодержца въ мірѣ,—уже есть фактъ исторіи. Это великое знаменіе времени. Этотъ моментъ непосредственнаго ощущенія того, что̀ значитъ для народовъ *настоящій* Монархъ, уже не забудется, и рано или поздно найдетъ свою сознательную формулировку. Величавый образъ Самодержца врѣзанъ въ исторію. Не забудутъ его ни народы, увидавшіе гдѣ свѣтъ, ни, вѣроятно, и сами европейскіе монархи, получающіе нынѣ изъ Россіи такое великое поученіе. Его будутъ вспоминать тѣмъ чаще, чѣмъ глубже станутъ погрязать въ трясину соціальныхъ смутъ. Онъ далъ народамъ и монархамъ цѣлое откровеніе, цѣлое указаніе пути, который еще не закрытъ предъ современнымъ культурнымъ міромъ.

Л. Тихомировъ

II.

Носитель идеала.

Въ царствованіи Александра III, Россіи и всему современному міру дано было пережить историческій моментъ, всю важность котораго многіе еще и не сознаютъ. Императоръ Александръ III не былъ только выразителемъ идеи. Онъ былъ истинный подвижникъ, *носитель идеала*. Тяжкій крестъ всегда бываетъ удѣломъ такихъ людей, являющихся лишь въ минуты, когда ослабѣвающее человѣчество нуждается въ особой помощи Провидѣнія. Ихъ миссія—не просто *сказать* то чего уже не могутъ понять люди, но *показать*, воплотить въ своей личности то что̀ люди еще способны почувствовать, и этимъ путемъ возродить ихъ способность понять утраченную истину.

Такіе носители идеала рѣдки въ исторіи, но, появляясь въ мірѣ, они становятся путеводнымъ маякомъ на цѣлые вѣка.

Никто не понялъ Императора когда Онъ явился. Теперь, по кончинѣ Его, можно лишь съ грустью о ничтожествѣ человѣческомъ вспоминать какъ Его встрѣтили, какъ тогда судили о Немъ. Съ тупымъ упорствомъ непониманія встрѣчаютъ каждаго носителя идеала, но Онъ своими дѣяніями и обаяніемъ своей личности принудилъ признать Себя. Онъ началъ свое служеніе съ работы надъ самимъ собой и выдержалъ самый тяжкій искусъ: побѣдилъ въ Себѣ все что̀ могло бы мѣшать Его исторической миссіи. Пришлось затѣмъ признать въ Немъ неутомимое трудолюбіе, мужество, хладнокровіе, независимость. Пришлось признать въ Немъ мудраго правителя. Всѣ трудности, какія можно представить, становились на Его царственномъ пути, какъ будто нарочно для того чтобы со всѣхъ сторонъ освѣтить Его. Смута, измѣна, разстройство государственной казны, голодъ, моръ, опасности казалось неминуемой войны,—все одно за другимъ попеременно вставало предъ Нимъ. Все побѣждалъ Онъ, все умиротворилъ, благоустроилъ, нашелъ

средства борьбы и съ голодомъ, и съ эпидеміей, не допустилъ войны и сдѣлалъ изъ тринадцати лѣтъ Своего царствованія эпоху неслыханнаго благоденствія, тишины, довольства и славы.

Въ послѣдніе годы своей недолгой жизни Онъ уже побѣдилъ все и всѣхъ. Весь міръ призналъ Его величайшимъ Монархомъ своего времени. Всѣ народы съ довѣріемъ смотрѣли на гегемонію, которая столь очевидно принадлежала Ему по праву что не возбуждала ни въ комъ даже зависти.

Въ этомъ величавомъ образѣ, который столь неожиданно выросъ передъ міромъ, Россія почувствовала нѣчто идеальное и вмѣстѣ родное, близкое сердцу. На Него смотрѣли съ любовью, и все что замѣчали въ Немъ было такъ свѣтло, такъ отрадно. Какъ Супругъ, какъ Отецъ, какъ Патріархъ своего Царственнаго рода, во всемъ являлся Онъ высокимъ примѣромъ. Его твердость была такова что исчезала даже мысль о сопротивленіи Ему. Но и доброта Его стала славною по всему міру. Прощеніе личныхъ обидъ доходило у Него до такой христіанской высоты которая была бы удивительна даже у подвижника спасающагося въ пустынѣ. Его правдивость поражала въ нашъ изолгавшійся вѣкъ. Никогда еще, даже и при такомъ царѣ-работникѣ какъ Петръ Великій, не слыхали мы о столь самоотверженномъ истощеніи всѣхъ силъ Царя на государственное служеніе. Почти четырнадцать лѣтъ Онъ посвящалъ сну не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Его хладнокровное пренебреженіе опасностей не разъ приводило въ страхъ окружающихъ. «Пока я нуженъ Россіи, до тѣхъ поръ не умру», говорилъ Онъ съ глубокою вѣрой въ Промыслъ Божій. Жилъ Онъ—для Россіи. Онъ весь былъ въ Своемъ долгѣ.

И среди этихъ великихъ трудовъ Онъ не былъ ни суровъ, ни мраченъ. Въ рѣдкія минуты отдыха Онъ любилъ добродушно пошутить, посмѣяться добрымъ смѣхомъ. Не по вкусу Его были шумныя забавы. Онъ отдыхалъ тихими радостями семейной жизни. Его обожали дѣти, толпой окружавшія Его во Фреденсборгѣ, не знавшія высшей радости какъ веселая игра вокругъ «Дяди Саши». Такъ называла Его молодая толпа разноплеменныхъ отраслей родственныхъ королевскихъ домовъ. Все было въ Немъ такъ царственно-величаво и такъ человѣчески-прекрасно, чисто и симпатично, что всѣ сердца привязывались къ Нему любовью дѣтей къ Отцу, никогда не теряя чувства почтительнаго страха.

Это были счастливые годы Россіи, но чтобы поняли люди Избранника Божія, предстояло еще тяжкое испытаніе, подвигъ смерти, раскрывающей смыслъ жизни.

И вотъ сразу, неожиданно, нестерпимо больно оборвались годы счастья. Не Богатырь, ломающій подковы, явился уже предъ взорами, а человѣкъ больной, ежедневно слабѣющій, едва двигающійся. Смерть подходила къ Нему шагъ за шагомъ. И тутъ только поняли мы какъ дорогъ Онъ намъ, тутъ только сознали что живемъ Имъ. Чувствовалось какъ будто солнце потухаетъ въ мірѣ. Быть-можетъ, никогда еще ни о комъ такъ не молилась Россія,—и слышалось во всенародной молитвѣ прошеніе, что ужь если нужно наказать насъ, то пусть лучше Богъ пошлетъ всякія другія бѣдствія, только *не это*. Въ эти томительные дни сознялось въ сердцѣ русскомъ все Имъ созданное.

А Царственный Страдалецъ тихо догоралъ, прикованный къ ложу смерти. Но въ Его слабѣющемъ тѣлѣ все ярче сіяло величіе Его безсмертнаго духа. Онъ умиралъ безтрепетно, безъ жалобы, все время думая лишь о близкихъ сердцу и о Своемъ Царскомъ служеніи. А когда останавливалъ Онъ мысль на *Себѣ*, это была мысль о душѣ Своей и о Богѣ, предъ Котораго Онъ готовился предстать. До неузнаваемости истощенный, съ большими, отекшими ногами, Онъ подымался на молитву, Онъ преклонялъ колѣни и молился такъ пламенно какъ молятся пустынные подвижники, со слезами сердечнаго умиленія, съ вѣрой, доступною лишь такому чистому сердцу.

Воистину, Благочестивѣйшій Государь умиралъ предъ нами кончиной праведника, безъ страха или унынія. Онъ самъ объявилъ что чувствуетъ приближеніе смерти. Этотъ день, 20 октября, былъ единственнымъ днемъ царствованія, когда Государь уже не работалъ для страны Своей. Еще наканунѣ Онъ давалъ Свои рѣшенія на вопросы правленія, и на бумагахъ 19 октября потомство увидитъ сдѣланныя Его рукой помѣтки: «Читалъ.» 20-го числа Государь объявилъ о предстоящей кончинѣ Своей. Онъ успокоивалъ Свою плачущую Супругу: «Будь покойна. Я совершенно спокоенъ», говорилъ Онъ. Немногимъ посылается такая кончина. Никакіе предсмертные ужасы не смущали Его. Еще разъ Государь пріобщился Св. Таинъ. Онъ помолился съ отцомъ Іоанномъ. Со всѣми простился Онъ, никого не позабылъ. Медленно надвигалась торжественная минута, и Государь, все время въ ясности сознанія, уже созерцалъ оба міра, на рубежѣ которыхъ находился. Вотъ оживился слабѣющій взоръ, забилось ослабѣвшее сердце... Что̀ увидѣлъ Онъ предъ собой? Только вѣра открываетъ намъ тайну послѣдняго вздоха, и вѣруетъ православная Русь что свѣтлые ангелы вознесли чистую душу къ Престолу Божію.

Не стало нашего Государя. И тутъ какъ бы пелена спала съ глазъ, и во весь ростъ явился предъ нами величаво-плѣнительный образъ Носителя идеала, созрѣвшій для безсмертія.

Какъ въ картинѣ великаго художника, чѣмъ болѣе всматриваешься, тѣмъ болѣе поучаешься, такъ и въ Немъ еще много лѣтъ и много умовъ будутъ открывать все новыя поученія. Но и теперь уже мы съ ясностію видимъ нѣчто Имъ освѣщенное.

Предоставимъ Монархамъ изучать въ Немъ то что̀ особенно важно въ ихъ служеніи. Обратимъ вниманіе на то что̀ особенно важно понять *народамъ*, которые также должны способствовать дѣяніямъ монарховъ своихъ.

Въ какомъ состояніи умовъ засталъ міръ Александръ III?

Все движеніе умовъ современности, весь ходъ политической жизни привели европейскій міръ, и все находящееся подъ вліяніемъ его, къ полному паденію идеи монархіи. Только въ самодержавіи эта идея доразвивается до своей полной высоты, но превратности историческихъ судебъ направили европейскую монархію на дорогу «абсолютизма». Два великіе человѣка положили начало христіанскому государству: Константинъ и Карлъ Великій. Но исторія задушила созданіе одного и исказила созданіе другаго. Нашему времени суждено было увидѣть *третьяго* Государя, объясняющаго міру идею двухъ первыхъ.

«Какой тяжкій крестъ жизнь моя», говоритъ въ легендѣ Карлъ Великій, находясь на вершинѣ власти и славы. Эта идея христіанскаго «подвига» монарха все болѣе падала и замѣнялась идеей простаго абсолютизма, то-есть сосредоточенія власти, и, еще хуже — поглощенія государемъ государства, выразившагося въ прискорбно-ложной формулѣ: «L'Etat c'est moi.» Вмѣсто «подвига», вмѣсто «креста», является *le bon plaisir* короля. Это искаженіе монархическаго идеала, даннаго христіанствомъ, должно было повести монархію къ неизбѣжному паденію.

Паденіе идеи было столь полно что даже забылся смыслъ ея, забылось ея значеніе какъ *вѣчнаго* принципа. Монархія стала разсматриваться какъ форма правленія свойственная лишь одному періоду развитія націй. Даже тѣ, кто любовались красотой этого принципа въ прошломъ, не могли отдѣлаться отъ ложнаго убѣжденія, будто это уже не для насъ, будто это нѣчто уже «пережитое» и къ современнымъ условіямъ непримѣнимое. Это ложное убѣжденіе стало распространяться даже и у насъ. Оно придало особый оттѣнокъ всему политическому творчеству такъ-называемаго «реформеннаго» періода, когда, начиная дѣлать безусловно необходимое, мы портили свое дѣло, постоянно подгоняя его къ предполагаемому въ будущемъ огра-

ниченію Самодержавія и подготовленію народа къ предполагаемому въ будущемъ народовластію. Убѣжденіе въ томъ что идея монархіи есть нѣчто «пережитое» еще больнѣе было видѣть у самихъ монархистовъ, которые при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ боялись допускать всякое сравненіе *своего* принципа съ *чужимъ*. И въ наши дни, сколько проницательныхъ умовъ, любя монархическій принципъ, не могутъ представить его себѣ внѣ непремѣнно «древней», средневѣковой, обстановки и черезъ это портятъ свой свѣтлый идеалъ *будущаго* стремленіями къ невозможному возврату *назадъ*.

Нужно было появленіе великаго человѣка чтобы показать истинный смыслъ *вѣчнаго* принципа. Это сдѣлалъ нашъ незабвенный Государь. Онъ показалъ всему міру что и теперь, безо всякаго возвращенія назадъ, безо всякой «реакціи», безъ какого бы то ни было нарушенія «современныхъ» потребностей,— такъ же какъ и въ старину *возможенъ* Самодержецъ, что и нынѣ какъ всегда представляетъ онъ высшую форму власти, наиболѣе мудрой, наиболѣе благодѣтельной, и наиболѣе понятной для *сердца* христіанскихъ народовъ.

Мы должны понять всю цѣну этого указанія. Александръ III не только далъ тринадцать лѣтъ благоденствія своему народу. Онъ указалъ не только то что *мы* имѣемъ наивысшую форму Верховной Власти. Онъ далъ понять нѣчто несравненно большее, и не однимъ намъ, а всему міру.

Дѣло въ томъ что забвеніе смысла монархіи дѣлаетъ ее невозможною для мятущихся народовъ Европы. А невозможность ея именно нынѣ, именно въ современныхъ условіяхъ, прямо угрожаетъ *разложеніемъ* націй и *паденіемъ* европейской культуры.

Дѣйствительно, если невозможна монархія, если невозможна власть *высшая*, стоящая *внѣ* и *выше* власти народной, то становится неизбѣжнымъ стремленіе къ такому устройству обществъ, при которомъ было бы возможно народоправленіе. Къ этому и направляются повсемѣстно всѣ усилія.

Но народъ, нація, по природнымъ условіямъ, не есть нѣчто однообразное. Это—сложное цѣлое, составленное изъ различныхъ слоевъ, изъ множества группъ. Всѣ они необходимы, все это разнообразіе и разслоеніе неизбѣжны и необходимы для жизни, и чѣмъ выше культура, тѣмъ рѣзче и замкнутѣе они становятся, тѣмъ болѣе способны они вступать между собой въ борьбу. Но и жить порознь они не могутъ. Имъ необходимо національное объединеніе въ чемъ-либо единомъ, ни съ чѣмъ не враждующемъ, ко всѣмъ интересамъ одинаково внимательномъ.

Народоправленіе пробуетъ объединить страну въ парламентахъ. Попытка жалкая, быстро терпящая крушеніе. Вмѣсто единенія, она перенесла въ сосредоточіе власти всю вражду, всю борьбу, какая только есть въ націи, и чѣмъ лучше осуществляется идея представительства, тѣмъ болѣе позорныя рыночныя сцены переносятся въ центръ власти; чѣмъ болѣе интересовъ представлено въ парламентѣ, тѣмъ болѣе разъединенія является въ самой власти, смыслъ которой только въ объединеніи.

Если для паденія идеи монархіи на Западѣ потребовались вѣка, то для паденія идеи представительства достаточно было нѣсколькихъ десятилѣтій. Всѣ пробы были сдѣланы. Единства нѣтъ. И вотъ совершенно неизбѣжно явилась въ міръ мысль уничтожить въ самой націи ту сложность состава, которая даетъ жалкія и позорныя сцены парламентскаго безсилія. Идея *всеуравненія* охватываетъ весь Западъ. Все должно быть одинаково. Такъ гласила сначала либеральная демократія, которая *неизбѣжно* должна была перейти въ демократію соціальную. Все должно стать равнымъ, одинаковымъ, безъ различій...

Да, тогда, конечно, наступило бы *единство*. Но тогда наступитъ также и культурная смерть. Опасность эта уже сознается. Но Западъ не видитъ никакого другаго пути и съ лихорадочною поспѣшностію торопится весь свой «прогрессъ», всѣ свои реформы направить туда гдѣ ждетъ ихъ послѣдній конецъ.

Вотъ среди какой прискорбной работы самоуничтоженія увидѣлъ міръ передъ собою Александра III, а съ Нимъ—и смыслъ осуществленнаго Имъ идеала.

Сколько недоразумѣній падаетъ при одномъ взглядѣ на это великое царствованіе! Какъ много забытыхъ истинъ оно открываетъ. Монархія—не диктатура, не простой «абсолютизмъ». Диктатура есть единоличное исполненіе назрѣвшей народной воли, абсолютизмъ есть ея отрицаніе. Монархія—въ своемъ Самодержавномъ идеалѣ—можетъ иногда сдѣлать то что̀ дѣлаетъ диктатура, можетъ, если нужно, выступить и съ отверженіемъ народной воли. Но сама по себѣ, она стоитъ выше чѣмъ какая бы то ни было народная воля. Монархія есть идея подчиненія интересовъ и желаній высшей *правдѣ*.

Въ монархіи нація ищетъ освященія всѣхъ проявленій своей сложной жизни подчиненіемъ *правдѣ*. Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность имѣетъ *совѣсть*, только личность несетъ *отвѣтъ* передъ Богомъ. Нужна власть *неограниченная*, ибо всякое ограниченіе власти Царя людьми освобождало бы Его отъ отвѣта передъ совѣстью и передъ

Богомъ. Окружаемый ограниченіями, Онъ уже подчинялся бы *не правдѣ*, а тѣмъ или инымъ интересамъ, той или иной земной силѣ.

Однако, неограниченность и единоличность рѣшенія есть не существо монархіи, а лишь необходимое условіе для того чтобы всѣ соціальные интересы, всю ихъ вражду и борьбу приводить къ соглашенію предъ одинаковою надъ всѣми властью *правды*.

Вотъ почему Носитель идеала и пришелъ въ міръ, по высказанному въ послѣдніе дни всѣмъ міромъ убѣжденію, какъ Царь *правды и мира*. Онъ долженъ былъ быть именно таковъ, ибо сущность монархіи и состоитъ въ *примиряющей силѣ высшей правды*.

Не ломаетъ монархъ соціальнаго строя жизни, не уничтожаетъ онъ никакихъ различій, создаваемыхъ ея разнообразіемъ, не упраздняетъ ни великаго, ни малаго, но все направляетъ такъ чтобы развитіе всѣхъ слоевъ, всѣхъ группъ, всѣхъ учрежденій ни въ чемъ не нарушало правды. И этимъ онъ даетъ націи то единство, котораго тщетно искали въ «представительствѣ», а нынѣ безумно рѣшаются достигнуть въ самоубійственной уравнительности.

Не уничтожаетъ монархъ никакой самодѣятельности, никакого совѣта, никакой работы мысли народной, не отрицаетъ онъ и народной воли, когда она существуетъ. Онъ *выше* всего этого. Онъ данъ не для уничтоженія всего этого, но для *направленія*. Для него нѣтъ ни мудраго, ни глупаго, ни сильнаго, ни безсильнаго, ни большинства, ни меньшинства. Для него есть только *совѣсть* и *правда*. Онъ долженъ все видѣть, но поддержитъ только то въ чемъ правда.

Императоръ Александръ III показалъ что монархія, въ этомъ истинномъ существѣ своемъ, не есть что-либо переходное, пережитое, совмѣстимое только съ однимъ какимъ-либо фазисомъ развитія культуры, но есть принципъ *вѣчный*, всегда возможный, всегда необходимый, высшій изъ всѣхъ политическихъ принциповъ. Если этотъ принципъ становится когда-либо для какой-либо націи невозможенъ, то не по состоянію ея культуры, а только по нравственному паденію самой націи. Тамъ гдѣ люди хотятъ жить *по правдѣ*, имъ необходимо самодержавіе, и оно возможно всегда, при всякой степени культуры.

Будучи властью *правды*, монархія невозможна безъ религіи. Внѣ религіи единоличная власть даетъ только диктатуру или абсолютизмъ, но не монархію. Только какъ орудіе воли Божіей самодержецъ имѣетъ свою единоличную и неограниченную власть. Не для народа только нужна религія въ монархіи.

Народъ долженъ вѣровать въ Бога чтобы желать подчинить себя правдѣ; но гораздо еще больше нужна эта вѣра для самодержца, который въ дѣлѣ власти государственной есть посредникъ между Богомъ и людьми. Не ограниченъ ни въ чемъ самодержецъ человѣческою властью или народною волей, но онъ не имѣетъ и *своей* воли, *своего* желанія. Только голосъ *правды* Божіей слушаетъ онъ въ совѣсти своей. Его самодержавіе не есть привилегія, не есть простое «сосредоточеніе» человѣческой власти, а есть тяжкій подвигъ, великое служеніе, верхъ человѣческаго самоотверженія, «крестъ», а не наслажденіе. Посему-то монархія получаетъ свой полный смыслъ только въ *наслѣдственности*. Еще и нѣтъ будущаго самодержца, еще не имѣетъ онъ своей воли, своего желанія выбирать между долей царя или пахаря, а уже *предназначено* ему отречься отъ себя и возложить на себя крестъ власти. Не по желанію, не по призванію способностей своихъ, а по Божію назначенію ставится онъ на служеніе свое. И не долженъ онъ спрашивать себя, есть ли у него силы, а долженъ только вѣрить что если Богъ избралъ, то нѣтъ уже мѣста человѣческому колебанію.

Вотъ въ какомъ величіи подчиненія волѣ Божіей дается освященіе нашей политической жизни въ идеалѣ монархіи.

Въ тѣ эпохи, когда живъ и всеобщъ этотъ идеалъ, не нужно быть великимъ человѣкомъ для достойнаго прохожденія самодержавнаго поприща. Не всѣ воины—герои, но въ хорошо устроенной арміи даже и обыкновенный человѣкъ находитъ силы геройски побѣждать и геройски умирать. Такъ и во всемъ остальномъ. Но когда наступаетъ эхоха деморализаціи, забвенія идеала,—только великій избранникъ можетъ воскрешать его въ сердцахъ людскихъ. Ему негдѣ учиться, ибо все что̀ есть кругомъ не помогаетъ ему, а только мѣшаетъ. Все онъ долженъ почерпнуть только въ себѣ самомъ, и не въ той лишь мѣрѣ какая необходима для исполненія долга, а въ той какая нужна чтобы просвѣтить все окружающее. Дѣйствительно, какая была бы помощь міру еслибы служеніе Александра III ограничилось лишь дарованіемъ Россіи тринадцати лѣтъ благоденствія? Онъ умеръ, и еслибы мы Его не поняли, то какую пользу принесло бы намъ прошлое благоденствіе? Носитель идеала посылается не для того, чтобы мы пользовались благоденствіемъ, оставаясь недостойными его, а для того чтобы возбудить въ насъ стремленіе быть достойными идеала.

Вотъ почему Нашъ возлюбленный Монархъ, такъ рано отнятый у міра, явился одаренный всѣми дарами Царственной благодати, во всемъ величіи Своего обаятельнаго образа. Вотъ

почему Онъ былъ такъ праведенъ, былъ такимъ примѣрнымъ сыномъ Церкви, такимъ идеально-чистымъ человѣкомъ. Онъ былъ данъ міру такимъ чтобы мы, увидя Его, уже никогда болѣе не забыли Его...

Смерть есть минута уничтоженія всякаго земнаго величія. Но для Носителя идеала это моментъ рожденія, послѣдній ударъ рѣзца, создающаго для насъ безсмертный образъ. Пока живетъ онъ, мы все еще не понимаемъ, все еще сомнѣваемся. Но вотъ дорисовываются послѣднія черты. Спадаетъ съ нашихъ глазъ застилающая ихъ чешуя. Ярко, ослѣпительно вырисовывается идеальный образъ, но не успѣемъ еще мы и вскрикнуть отъ восторга, а Его Самого уже нѣтъ. Раскрылся весь—и ушелъ туда гдѣ живетъ

...въ вѣчныхъ идеалахъ
То что̀ смертнымъ въ доляхъ малыхъ
Открываетъ Божество...

Торжественны и тяжки эти великія минуты исторіи. Много вѣковъ будутъ завидовать днямъ нашимъ, а намъ самимъ— такъ тяжко, такъ больно. Зачѣмъ исчезъ Онъ? Зачѣмъ уже не можемъ мы окружить Его нашею любовью и преклоненіемъ?

Затѣмъ что награда Ему будетъ дана не нами, а Тѣмъ Кто послалъ Его. А намъ остается *поученіе*, остаются великіе завѣты Его. Въ вѣрности завѣтамъ Его должны мы искать выраженія тѣхъ чувствъ любви и благодарности, которыхъ уже не можемъ выразить ему Самому.

Л. Тихомировъ.

2007098117